

Атаев Гамзат Дибирович

**ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ
ГОРНЫХ РАЙОНОВ ДАГЕСТАНА И ВОСТОЧНОЙ ЧЕЧНИ**

Целью работы является изучение памятников эпохи средней бронзы в горных районах Дагестана и Восточной Чечни. В работе дается источниковедческий и историографический анализ памятников указанных районов в связи с проблемой их культурной идентификации. Автор на основе результатов многолетних исследований археологических памятников в зоне строительства Ирганайской ГЭС выделяет и обосновывает новый ирганайский локальный вариант гинчинско-гатынкалинской культуры в горном Дагестане в эпоху средней бронзы и два локальных (гатынкалинско-бельтинский, харсенойско-саадикотарский) варианта в Восточной Чечне. В результате обобщения всех имеющихся данных по изучению памятников эпохи средней бронзы рассматриваемого региона автором предложена новая трактовка и осмысление проблемы культурной принадлежности отмеченных выше памятников.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 19-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. **Об экономических, социальных и культурных правах** [Электронный ресурс]: Международный пакт от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1995. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. **Относительно защиты заработной платы** [Электронный ресурс]: Конвенция № 95 Международной организации труда (принятая в г. Женеве 01.07.1949); ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 31 января 1961 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. **Талалаев А. Н.** Соотношение международного внутригосударственного права в Конституции Российской Федерации // Журнал международного права. 1994. № 4.
8. **Хижняк В. С.** Конституционно-правовой механизм взаимодействия внутригосударственного права Российской Федерации и международного права: автореф. дисс. ... доктора юр. наук. Саратов. 2004.

INTERNATIONAL LABOUR STANDARDS FOR HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Lyudmila Vasil'evna Alekseeva
Department of Constitutional Municipal Law
Belgorod State University
Alekseev_77@bk.ru

The author reveals the content notion of the international legal standards for human rights and freedoms in the Russian Federation, and pays special attention to the elaboration and adoption as well as practical implementation of international labour standards, bringing internal legislation to conformity with international norms, which largely depends on the degree of their implantation in the national law of Russia.

Key words and phrases: Constitution of the Russian Federation; International Labour Organization; Universal Declaration of Human Rights; Pact on Human Rights; labour law.

УДК 902.2/4.035(470.67)"637"

Целью работы является изучение памятников эпохи средней бронзы в горных районах Дагестана и Восточной Чечни. В работе дается источниковедческий и историографический анализ памятников указанных районов в связи с проблемой их культурной идентификации. Автор на основе результатов многолетних исследований археологических памятников в зоне строительства Ирганайской ГЭС выделяет и обосновывает новый ирганайский локальный вариант гинчинско-гатынкалинской культуры в горном Дагестане в эпоху средней бронзы и два локальных (гатынкалинско-бельтинский, харсенейско-саадикотарский) варианта в Восточной Чечне. В результате обобщения всех имеющихся данных по изучению памятников эпохи средней бронзы рассматриваемого региона автором предложена новая трактовка и осмысление проблемы культурной принадлежности отмеченных выше памятников.

Ключевые слова и фразы: горный Дагестан; Восточная Чечня; эпоха средней бронзы; Гинчи; Гатын-кале; поселение; могильник; склеп; локальный вариант.

Гамзат Дибирович Атаев, к.и.н.
Отдел археологии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский научный центр Российской академии наук
ataevgd@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ГОРНЫХ РАЙОНОВ ДАГЕСТАНА И ВОСТОЧНОЙ ЧЕЧНИ®

В результате археологических исследований на территории Дагестана и Восточной Чечни за последние 80 лет изучено большое количество памятников эпохи средней и поздней бронзы. Они характеризуют яркие и самобытные культуры Северо-Восточного Кавказа. Особый интерес представляют памятники указанного времени горных районов Дагестана и Чечни, носители которых, по мнению исследователей, являются далекими предками дагестанских и нахских народов.

Выявлено и достоверно установлено, что истоки дагестано-нахской этнокультурной общности восходят, как минимум, к эпохе ранней бронзы. Видные кавказоведы Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев, В. Г. Котович, В. И. Марковин, М. Г. Гаджиев, В. Б. Виноградов считают, что с эпохи ранней бронзы прослеживается преемственное, генетическое развитие культуры, особенно в горной части Северо-Восточного Кавказа.

Несмотря на значительные успехи в изучении культур эпохи бронзы, все еще остаются дискуссионными проблемы, связанные с этнокультурной принадлежностью памятников Дагестана и горной Чечни.

Рассмотрим вопросы, связанные с выделением археологических культур на Северо-Восточном Кавказе. Памятники эпохи средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе в 1950-1960 гг. привязывали к административным границам республик, и они рассматривались, в частности, исследователями в Дагестане в качестве «дагестанской культуры эпохи бронзы» [16, с. 54-82; 19, с. 49-51; 23, с. 338-346; 24, с. 247-251]. Поздний этап вышеназванной культуры составляли памятники каякентско-хорчоевской культуры. В. Г. Котович выделил на Восточном Кавказе археологическую культуру «обмазанной керамики» с широким хронологическим диапазоном – от конца V - IV тыс. до н.э. и до эпохи раннего железа, в ареал распространения которой входили территории Дагестана, значительная часть Чечни и Ингушетии, часть Северного Азербайджана [16, с. 84-85]. Однако точка зрения В. Г. Котовича не нашла поддержки у исследователей, так как дальнейшие археологические исследования в Дагестане показали, что керамика с обмазанной поверхностью появилась на памятниках Северо-Восточного Кавказа только со второй половины III тыс. до н.э. Эта точка зрения не была обоснована автором. Наоборот, произошла некоторая трансформация взглядов В. Г. Котовича на само понятие «археологическая культура». Он стал рассматривать древности эпохи бронзы не как самостоятельные культуры, а как отдельные этапы в развитии прадагестано-нахского, или прадагестанского, этнического массива [22, с. 51-52, 68].

В этой работе автор смешивал два совершенно различных понятия и рассматривал их, т.е. «археологическую общность» и «этническую общность», как равнозначные понятия, что, на наш взгляд, является неправомерным, так как понятия «этническая общность» или «этнос» являются более широкими и объемными, чем «археологическая культура», которая как часть или сторона наряду с другими может быть элементом понятия «этнос».

Впоследствии, с конца 1950-х гг. и по 1973 г., локальные группы памятников Дагестана внутри культуры эпохи бронзы стали рассматриваться в качестве «дагестанской культуры» [12, с. 169-171; 19, с. 49-51; 24, с. 247-251], в рамках которой выделялись этапы, в том числе манасско-гинчинский, характеризующий культуру эпохи средней бронзы Дагестана. Эту точку зрения поддержал и В. И. Марковин [31, с. 289].

Вопросы культурной принадлежности памятников Дагестана эпохи бронзы в 1960-х гг. изучались В. И. Марковиным. В своих работах он относил памятники Восточной Чечни и территорию Терско-Сулакской низменности вместе с предгорной частью Дагестана к ареалу распространения северокавказской археологической культуры. Указанные территории были включены в восточный вариант северокавказской культуры эпохи бронзы [28, с. 129-131; 29, с. 49-135].

В 1960-х гг. после раскопок Верхнегунибского поселения В. М. Котович и могильника Гинчи М. Г. Гаджиевым вышли в свет публикации, посвященные монографическому исследованию указанных памятников [11; 24]. М. Г. Гаджиев на основании изучения материалов Гинчинского могильника пришел к выводу, что материалы могильника Гинчи представляют локальный горный вариант культуры Дагестана бронзового века II тыс. до н.э. [12, с. 169-171]. Эта точка зрения вначале была поддержана В. И. Марковиным с оговоркой, что в ближайшее время будут выделены и другие варианты [31, с. 289].

В своей статье «Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы», изданной в 1974 г., М. Г. Гаджиев убедительно доказал неправомерность включения могильника Гатынкале и других аналогичных памятников эпохи средней бронзы Юго-Восточной Чечни к северокавказской культуре и привел существенные аргументы и доказательства необходимости отнесения их вместе с памятниками горного Дагестана к гинчинской культуре [11, с. 11-28]. Хорошо и убедительно обосновав выделение новой культуры, он вкратце показал основные признаки, характеризующие культуру, и очертил ареал ее распространения. При этом также были выделены присулакская группа памятников в предгорьях Северного Дагестана, представленная Миатлинскими и Чиркейскими курганными могильниками, а также манасская группа в центральной части приморского Дагестана, которая была представлена Манасским катакомбным могильником, подкурганной гробницей «Ярти-Тюбе», подкурганными катакомбами у сел. Сергокала (Дешлагар) и у г. Дербента [Там же, с. 14-15].

После выделения гинчинской культуры, она была признана многими археологами, и вопрос о культурной принадлежности памятников эпохи средней бронзы Юго-Восточной Чечни, можно сказать, получил свое разрешение. Сейчас уже никто не рассматривает и не относит их к памятникам северокавказской культуры.

В. И. Марковин и разделяющий его точку зрения М. Б. Мужохоев выступили против выделения гинчинской культуры, хотя согласились с невозможностью отнесения могильников Гатынкале-Харсеней и других памятников горной Чечни к северокавказской культуре [30, с. 44; 33, с. 8-11]. Они считают, что указанные памятники горной Чечни, примыкающие к памятникам Дагестана развитой бронзы, отражают наличие особой восточнокавказской культурно-исторической области этого времени с отдельными внутрилокальными группами [33, с. 11]. Взгляды В. И. Марковина поддерживает и М. Х. Ошаев [35, с. 40-41].

Позднее В. И. Марковин стал рассматривать памятники эпохи средней бронзы горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни как восточнокавказскую культурно-историческую общность.

В. Б. Виноградов в 1960-х гг. относил памятники эпохи средней бронзы Юго-Восточной Чечни к северокавказской культуре [9, с. 97-98]. После открытия Бельтинского могильника - 2 в 1978 г. В. Б. Виноградов считал, что этот памятник обосновывает преемственность и плавный переход так называемой «гинчинской археологической культуры эпохи развитой бронзы, бытовавшей в горном Дагестане и Чечне вплоть до реки Аргуна на западе, с древностями конца эпохи бронзы, так называемого “каякентско-хорчоевского” типа...» [7, с. 2].

Но в 1982 г. он уже разделяет точку зрения В. И. Марковина о невозможности отнесения памятников типа Гатынкале к гинчинской культуре и рассматривает «их как отдельную этнолокальную группу внутри восточнокавказской прадагестанской культурно-исторической области» [6, с. 30-31].

Однако в 1985 г. в опубликованных тезисах докладов В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев и Х. З. Бакаев уже признают «сложившееся культурно-историческое единство племен горной части Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы», и ими допускаются для его обозначения как равнозначные термины «гинчинская культура» (по М. Г. Гаджиеву) и «восточнокавказская культурно-историческая общность» (по В. И. Марковину) [8, с. 31]. В 1986 г. В. Б. Виноградов и Б. М. Хашегульгов в статье «Бельтинский могильник эпохи бронзы: вопросы хронологии» на основе анализа металлического инвентаря предложили датировку могильника 1600-1400 гг. до н.э. [10, с. 6-24]. Они рассматривают могильник Бельты-2 «в качестве “материнского” памятника и недостающего промежуточного звена на пути сложения западного варианта каякентско-хорочоевской культуры» [Там же, с. 22], а также выступают против выделения гинчинской культуры (по М. Г. Гаджиеву) и отдают предпочтение мнению В. И. Марковина о существовании восточно-кавказской культурно-исторической общности с ярко выраженными локальными особенностями.

В целом подчеркнем, что взгляды М. Г. Гаджиева на этнокультурную принадлежность памятников Дагестана и горной Чечни эпохи средней бронзы получили признание исследователей. В 1987 г. М. Г. Гаджиев выделил в горных районах Восточной Чечни и Дагестана не только гинчинскую культуру эпохи средней бронзы, но и для «центральной части приморского Дагестана» – великентскую, для «района среднего Сулака» – присулакскую культуру [14, с. 69-73]. Кроме того, были выделены другие группы памятников – группы курганов у города Буйнакса и у селения Утамыш Каякентского района, а также курганная группа у станции Манас [Там же, с. 71-72].

Вопросы культурной принадлежности памятников эпохи средней бронзы горного Дагестана и Восточной Чечни в своих трудах затрагивал также С. Н. Корневский. Так, в статье, изданной в 1986 г., на основе изучения металла могильников Гатынкале и Гинчи он предполагает возможным утверждать о существовании двух различных локальных участков обработки металла (условно – приаргунский и верхнесулакский), опираясь на различные источники сырья [21, с. 14]. В другой работе С. Н. Корневский указывал, что под термином «северокавказская культурно-историческая общность» целесообразно подразумевать предгорно-степные памятники Предкавказья с определенным инвентарем, соответствующим среднему периоду бронзового века, совершенные в разных типах могил, но не в катакомбах. Позы покойных при этом вытянуты на спине (реже скорчены на спине), а также отражают скорченное на боку положение умерших людей. Памятники горной зоны Северного Кавказа более оправданно рассматривать как особый этнокультурный массив в рамках системы материальной культуры и культовых верований населения Большого Кавказа среднего периода бронзового века. Внутри этой обширной территории, конечно, существовали варианты и культуры, как, например, гинчинская культура, выделенная М. Г. Гаджиевым и Р. Г. Магомедовым. Точка зрения В. И. Марковина о том, что памятники северокавказской культуры (общности) имеют свои локальные особенности в предгорьях и на равнине, подтвердилась [20, с. 9].

Изучением металла эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа занимался А. Г. Каменский [17, с. 83-95; 18, с. 3-17]. По его мнению, материалы Бельтинского могильника представляют «локальный участок» металлообработки вместе с аналогичными «участками» Гинчи и Гатынкале и составляют «самостоятельный очаг металлообработки Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы, дифференцированный на ряд племенных центров с несколько различными культурными традициями в обработке металла» [17, с. 94].

В последнее время произошли изменения взглядов В. И. Марковина на проблему выделения культур ранних этапов эпохи средней бронзы на территории Северо-Восточного Кавказа. Он не против выделения двух вышеназванных культур (присулакская и великентская). По мнению В. И. Марковина, гинчинская культура вполне закономерна как название особого историко-культурного региона, охватывающего горную зону Дагестана, «тогда для Чечни было бы более верным выделение особой гатынкалинско-харсенской культуры, которая в дальнейшем с выявлением новых памятников, вполне возможно, будет разделена на две культуры. Для всех названных культур характерны общие черты, прослеживаемые в отдельных типах керамики, технологии ее изготовления, приемах орнаментации и системах узора, в металлическом и каменном инвентаре. Имеют место и общие черты в погребальном ритуале, в деталях могильных конструкций, что указывает на определенную близость в идеологических представлениях тех древних обществ, которыми были оставлены памятники, объединяемые в названные культуры» [32, с. 327].

Следует признать, что в могильниках Гатынкале и Гинчи найдены очень близкие, но не идентичные материалы, а то сходство, на которое указывает В. И. Марковин, свидетельствует об относительной одновременности данных памятников и общей подоснове в их происхождении. Название «гинчинская культура», по мнению В. И. Марковина, «несколько суживает представление обо всем многообразии памятников, которые уже известны в Дагестане и Чечне. Было бы вернее назвать данную культуру “гинчинско-гатынкалинской” по наименованию двух ведущих памятников древности. Такое объединение устранило бы отмеченные несоответствия» [Там же].

Несколько иное мнение по вопросу выделения археологических культур и групп памятников высказал В. И. Марковин на конференции в Шатое в 1991 г. Он предлагает говорить не об одной культуре, а об особой культурно-исторической общности, характерной для Северо-Восточного Кавказа. В. И. Марковин на

материалах некрополей внутри данной общности выделяет отдельные локальные варианты (возможные особые культуры), называемые по могильникам – Гинчи, Великент, Гатынкале и др. [27, с. 7-10].

В монографии В. И. Марковина и Р. М. Мунчаева «Северный Кавказ: очерки древней и средневековой истории и культуры», опубликованной в 2003 г., в главе «Культура Северного Кавказа эпохи развитой бронзы», написанной В. И. Марковиным, также рассматриваются вопросы правомочности выделения гинчинской и других культур Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы. В. И. Марковин отмечал, что если основную территорию горного Дагестана, как это делают М. Г. Гаджиев и Р. Г. Магомедов, относить к особой гинчинской культуре, то мы бы рассматривали последнюю в качестве особого племенного варианта обширной восточно-кавказской культурно-исторической общности. Ареал данной общности захватывает и горную Чечню. Здесь ярко выделяются две группы погребальных памятников, керамика которых содержит посуду, покрытую обмазкой (могильники Гатынкале, Бельты и др.), и гладкостенные сосуды (могильник Харсеной у сел. Малый Харсеной)... Представленные в Чечне могильники настолько выразительны, что на их основе вполне могут быть выделены два варианта в восточнокавказской культурно-исторической общности: гатынкалинский и харсенойский [34].

Что касается предложенного названия – «гинчинско-гатынкалинская культура», то здесь мы полностью поддерживаем мнение В. И. Марковина. Р. Г. Магомедов в своей монографии «Гинчинская культура: горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы», изданной в 1998 г., отмечал, что «памятники Дагестана и Юго-Восточной Чечни» выделяются в «восточнокавказскую археологическую метакультурную общность, куда входят гинчинская культура, присулакская, манасская, великентская группы памятников (субкультуры)». Он считает, что такое понятие является «более широким, объединяющим несколько целостных компонентов», чем понятие «культурно-историческая общность». Памятники гинчинской культуры подразделяются им на два локальных варианта: юго-восточный (койсугский) и северо-западный (ичкерийский) [25, с. 147-152; 26, с. 15].

Следует отметить, что в названии локальных вариантов и критериях их выделения имеются некоторые противоречия. Если первые названия отражают географический или территориальный подход, то вторые несколько роятся между собой. Койсугский отражает территорию притоков бассейна реки Сулак, а ичкерийский отражает исторические названия чеченских обществ и территорий, и даже современное политическое понятие (Республика Ичкерия). Думается, что здесь должен быть единый подход в выделении локальных вариантов. Термин «Ичкерия» включает в основном два района Чечни – Веденский и Ножай-Юртовский, кстати, на территории последнего находится Бельтинский 2-й могильник. А Гатынкалинский могильник находится в Чанты-Аргунском регионе, для которого употребление названия «Ичкерия» не подходит и является неверным. На наш взгляд, правильным будет употребление для памятников Юго-Восточной Чечни термина «верхнеаргунский» или «аргунский» локальный вариант.

Р. Г. Магомедов указывает, что при культурном определении памятников Северо-Восточного Кавказа точки зрения М. Г. Гаджиева и В. И. Марковина не столько противоречат друг другу, сколько дополняют друг друга. По его мнению, «учитывая условность любых названий археологических культур, а также тот факт, что название “гинчинская культура” достаточно примелькалось в литературе и стало привычным, считаем необходимым придерживаться его» [25, с. 144].

Думается, что приведенная аргументация Р. Г. Магомедова по поводу сохранения названия «гинчинская культура» не отличается особой убедительностью. Исходить из того, что это название культуры примелькалось и стало привычным, не означает, что уже не следует никогда больше его менять и тем более слегка изменить его на «гинчинско-гатынкалинскую культуру», учитывая, что в науке такие прецеденты бывают часто и, в частности, имели место при изучении культур Восточного Кавказа. Так, А. П. Круглов в 30-х годах XX в. выделил хорокоевскую культуру, а впоследствии в результате дальнейшего изучения памятников эпохи поздней бронзы и в особенности Каякентского могильника Е. И. Крупновым было предложено новое название «каякентско-хорокоевская культура». Это название хорошо отражало культуру памятников эпохи поздней бронзы, одинаково распространенных в Дагестане и Чечне. Поэтому предлагаем слегка изменить это название, добавив к нему – «гатынкалинская», в дальнейшем употреблять название «гинчинско-гатынкалинская культура». Данное название в полной мере отражает как общность культуры, так и характерные особенности культуры горных районов Дагестана и Восточной Чечни.

Нам представляется неверным название «восточнокавказская метакультурная общность эпохи средней бронзы», предложенная Р. Г. Магомедовым [25, с. 148-149; 26, с. 15-16]. Название «метакультурная общность» не получила поддержки у исследователей культур эпохи средней и поздней бронзы Северного Кавказа. В настоящее время среди археологов-кавказоведов стало принятым употребление термина «культурно-историческая общность». Мы поддерживаем такую постановку вопроса. С другой стороны, нам представляется неверным название «восточнокавказская общность» эпохи средней бронзы, как это применяют В. И. Марковин и Р. Г. Магомедов в своих работах. Более правильным, мы считаем, следует употреблять название «северовосточнокавказская общность» со своими отдельными культурами и группами памятников. Во-первых, на этой территории прослеживается культурная общность и близость между памятниками западных и восточных районов, а также преемственная связь с памятниками как эпохи ранней, так и поздней бронзы. Во-вторых, с памятниками Восточного Закавказья не прослеживается культурная общность и близость: там бытовали в эпоху средней бронзы совершенно отличные от рассматриваемых нами культуры. В это время на территории Восточного Закавказья появляются новые культуры: беденская, культура

подкурганных склепов, абшеронская, севано-узерликская, которые отличны от культур Дагестана и Чечни и не могут рассматриваться как родственные. Поэтому более правильным, нам кажется, будет применять название «северовостокавказская культурно-историческая общность», как это делал М. Г. Гаджиев по отношению к памятникам и культурам эпохи энеолита и ранней бронзы Дагестана и Чечни, с включением территории северо-восточных районов Азербайджана [13, с. 15-19].

Исследования, проведенные в горном Дагестане Ирганайской новостроечной археологической экспедицией в 1986-1991 гг. (М. Г. Гаджиев, Р. Г. Магомедов, Г. Д. Атаев) и в 2000-2007 гг. (Г. Д. Атаев), позволили получить новые материалы, документирующие связи местного населения со степными племенами. Здесь впервые на территории горного Дагестана были выявлены следы тесных контактов местных племен с племенами степей Юго-Восточной Европы и Предкавказья в эпоху средней бронзы, что выразилось в открытии курганного обряда захоронений, в находках керамики со шнуровым орнаментом, костяных фигурных пряжек, каменных боевых топоров кабардино-пятигорского типа [1, с. 4; 2, с. 3-4; 3, с. 39-44; 4, с. 48; 5, с. 99-101; 15, с. 3-4].

Открытие курганного обряда в Ирганайской котловине внутреннего Дагестана имеет большое значение не только для изучения местной культуры, но и для выяснения взаимодействий населения горных районов и степных племен. Исходя из всего этого, а также учитывая данные раскопок ирганайских памятников последних лет, было бы, на наш взгляд, более правильным и правомочным говорить не только об их культурной самобытности в качестве узколокальной группы памятников, но и с полным основанием говорить о наличии и выделении нового самостоятельного ирганайского локального варианта гинчинско-гатынкалинской культуры.

Нам представляется, что памятники горных районов Дагестана и Чечни следует объединять в гинчинско-гатынкалинскую культуру, внутри которой на территории Чечни можно выделить два локальных варианта: 1) гатынкалинско-бельтинский; 2) харсенойско-саадикотарский. А на территории горного Дагестана, внутри юго-западного локального варианта (по Р. Г. Магомедову), сейчас можно выделить два варианта: 1) гинчинский; 2) ирганайский. Предложенное название – гинчинско-гатынкалинская культура – реально отражает культурную общность и своеобразные особенности памятников горных районов Дагестана и Чечни.

Таким образом, изучение археологических материалов Северо-Восточного Кавказа свидетельствует, что поступательный характер его развития нарушается на рубеже эпох ранней и средней бронзы, что выразилось в распаде прежнего этнокультурного единства, в культурном переоформлении, но тем не менее отмеченная культура не исчезла повсеместно и бесследно. Наоборот, она и ее носители сыграли значительную роль в дальнейшем этнокультурном развитии Северо-Восточного Кавказа. Этнокультурное своеобразие региона устойчиво сохраняется и в эпохи средней и поздней бронзы. Это подтверждается и на примере рассмотрения культур Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы, в периоды бытования археологических культур: гинчинско-гатынкалинской, присулакской, великентской, манасской и других групп памятников, каякентско-хорочоевской культуры. Указанная культурная самобытность региона устойчиво сохраняется и в эпоху раннего железа, и даже в раннем Средневековье (Д. М. Атаев, М. Х. Багаев). Эти выводы о единстве и непрерывности этнокультурного развития, сделанные на основе изучения археологических данных, хорошо подтверждаются и данными изучения материалов антропологии и восточно-кавказских (дагестано-нахских) языков, древний ареал распространения которых в основном совпадает с границами северовостокавказской этнокультурной области.

Список литературы

1. Атаев Г. Д. Исследования Ирганайского поселения в 1991 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института истории, языка и литературы (ИЯЛ) в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992.
2. Атаев Г. Д. К изучению этнокультурной истории горного Дагестана в эпоху средней бронзы // Тезисы докладов региональной научной конференции молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям. Махачкала, 1995.
3. Атаев Г. Д. Контакты населения горного Дагестана со степными племенами в эпоху средней бронзы // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Ростов-на-Дону, 2010. № 6.
4. Атаев Г. Д., Мирзоев Р. Н. Итоги археологических исследований памятников эпохи средней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2002-2004 гг. // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: мат-лы международной научной конференции. Баку, 2005.
5. Атаев Г. Д., Мирзоев Р. Н. Итоги археологических работ в зоне водохранилища Ирганайской ГЭС в 2004-2006 гг. // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: мат-лы международной научной конференции. Махачкала, 2007.
6. Виноградов В. Б. Новое в изучении этнокультурного процесса в Восточной Чечне: эпоха бронзы // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: тезисы докладов всесоюзного симпозиума. Ереван, 1982.
7. Виноградов В. Б. Через тысячи лет... В Юго-Восточной Чечне открыт могильник бронзового века // Грозненский рабочий. 1978. 17 мая.
8. Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Бакаев Х. З. Ранние этапы этногенеза вайнахов: первая попытка реконструкции // Археология и краеведение – вузу и школе: тезисы докладов и сообщений второй региональной научно-практической конференции. Грозный, 1985. С. 31-32.
9. Виноградов В. Б., Рунич А. П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969. Т. III. С. 93-104.
10. Виноградов В. Б., Хашегульгов Б. М. Бельтинский могильник эпохи бронзы: вопросы хронологии // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
11. Гаджиев М. Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
12. Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: могильник Гинчи. Махачкала, 1969. 177 с.

13. **Гаджиев М. Г.** Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука, 1991. 264 с.
14. **Гаджиев М. Г.** Северо-Восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.
15. **Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г.** Новые данные о культурных связях населения степей и гор в бронзовом веке // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1986-1987 гг. Махачкала, 1988.
16. **История Дагестана:** в 4-х т. М.: Наука, 1967. Т. I. 431 с.
17. **Каменский А. Г.** Металл Бельтинского могильника эпохи средней бронзы // Вестник МГУ. Серия. 8. История. 1990. № 4.
18. **Каменский А. Г.** Металлопроизводство племен Северо-Восточного Кавказа в период средней бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. 23 с.
19. **Канивец В. И.** Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. Т. I. С. 31-59.
20. **Корневский С. Н.** К проблеме исследования памятников бронзового века: предисловие // Воронин К. В., Малашев В. Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М., 2006. С. 7-13.
21. **Корневский С. Н.** О металле эпохи средней бронзы в горной зоне Северо-Восточного Кавказа // Советская археология. 1986. № 3. С. 5-15.
22. **Котович В. И.** Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982. 237 с.
23. **Котович В. Г., Шейхов Н. Б.** Археологическое изучение Дагестана за 40 лет: итоги и проблемы // Ученые записки Института ИЯЛ. 1960. Т. VIII. С. 322-364.
24. **Котович В. М.** Верхнегуньбское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана: к истории дагестанских племен в конце III – II тыс. до н.э. Махачкала, 1965. 259 с.
25. **Магомедов Р. Г.** Гинчинская культура: горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998. 380 с.
26. **Магомедов Р. Г.** Горный Дагестан в эпоху средней бронзы: гинчинская культура: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. 20 с.
27. **Марковин В. И.** Археологический аспект в изучении этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов: материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996.
28. **Марковин В. И.** Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы: II тыс. до н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960. № 93.
29. **Марковин В. И.** Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне: могильник Гатынкале // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 49-135.
30. **Марковин В. И.** О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1980. Вып. 161. С. 36-45.
31. **Марковин В. И.** Рецензия на книгу: Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969 // Советская археология. 1972. № 1. С. 288-300.
32. **Марковин В. И.** Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология: эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 254-333.
33. **Марковин В. И., Мужухоев М. Б.** Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 5-23.
34. **Марковин В. И., Мунчаев Р. М.** Северный Кавказ: очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. 339 с.
35. **Ошаев М. Х.** Могильники эпохи средней бронзы у сел. Дай // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982. С. 30-46.

**MIDDLE BRONZE AGE MONUMENTS CULTURAL IDENTIFICATION PROBLEM
IN DAGESTAN MOUNTAINOUS REGIONS AND EASTERN CHECHNYA**

Gamzat Dibirovich Ataev, Ph. D. in History
*Department of Archeology
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
ataevgd@mail.ru*

The author studies Middle Bronze Age monuments in the mountainous regions of Dagestan and Eastern Chechnya, presents the sources studies and historiographical analysis of the monuments in the mentioned regions in connection with the problem of their cultural identification, basing on the results of the long-term studies of the archaeological monuments in the area of Irganai hydro-electric power station construction determines and substantiates new local Irganai variant of Ginchi-Gatyn-kale culture in mountainous Dagestan during the era of Middle Bronze Age and two local (Gatyn-kale-Bel'ty, Kharsenoi-Saadikotar) variants in Eastern Chechnya, and as a result of the generalization of all available data for the study of the Middle Bronze Age monuments of the region suggests the new interpretation and understanding of cultural identity problem of the above noted monuments.

Key words and phrases: mountainous Dagestan; Eastern Chechnya; Middle Bronze Age; Ginchi; Gatyn-kale; settlement; burial ground; crypt; local variant.